
НАЗАД В СССР
СССР
CANADA CUP
COUPE CANADA
СЧЁТ НА СЕКУНДЫ
Лед и пламя. Книга 2
Валерий Снаткин

Валерий Снаткин

Назад в СССР: Счёт на секунды. Лед и пламя. Книга 2

Серия «Назад в Союз: Счёт на секунды. Лед и пламя», книга 2

https://litres.ru/74995309
SelfPub; 2026

Аннотация

Олимпийское золото Лейк-Плэсида 1980 года у Игоря Воронова в кармане, а советская «Красная машина» спасена от исторического позора. Но вместо тихого триумфа в Москве молодого гения хоккея ждет закрытый кабинет на Лубянке. Аналитики КГБ вычислили, что его тактические схемы и знания опережают время на десятилетия, а значит, герой попадает под плотный колпак спецслужб.

Игорю предстоит не просто выжить в жестких кабинетных интригах и стать негласным консультантом высших чинов, но и взойти на вершину мирового спорта. На дворе 1981 год. Впереди — смертельная ледовая дуэль с молодым Уэйном Гретцки на легендарном Кубке Канады, отчаянная попытка спасти Валерия Харламова от роковой аварии на шоссе и закулисные войны в

советском спорте. В новом сезоне ставки выросли до предела, и счёт снова идет на секунды.

Содержание

Дисклеймер 5
Глава 1. Лубянский лед 7
Глава 2. Сделка с системой 12
Глава 3. Белая «Волга» и ледяной прием 17
Глава 4. Олимпийское лето и секретный рецепт 22
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Валерий Снаткин
Назад в СССР: Счёт на секунды. Лед и пламя. Книга 2

Дисклеймер

Данное произведение является продолжением художественного цикла в жанре альтернативной истории и фантастики. Все описываемые события, сюжетные линии и диалоги являются плодом воображения автора.

В тексте упоминаются имена реальных исторических личностей, выдающихся советских и зарубежных спортсменов, тренеров, а также государственных и политических деятелей. Автор относится к ним с глубочайшим уважением, признает их неоценимый вклад в историю мирового спорта и отечественной истории, и не преследует цели исказить их реальные биографии, нанести вред их репутации или оскорбить память. Любые действия, мысли и высказывания исторических лиц в тексте носят исключительно вымышленный характер и служат для реализации художественного замысла.

Все совпадения с иными реальными людьми, живыми или

умершими, а также реальными событиями, не связанными с общеизвестными историческими фактами, случайны.

Глава 1. Лубянский лед

Ил-62 мягко коснулся заснеженной полосы Шереметьево-2. Едва реверс двигателей затих, как в иллюминаторах показалось море людей. Огромные плакаты «Слава советским олимпийцам!», красные флаги, духовой оркестр, играющий «Марш энтузиастов» так громко, что вибрация чувствовалась сквозь обшивку лайнера.

Сборная СССР вернулась из Лейк-Плэсида с золотом. В этой новой, переписанной Игорем Вороновым реальности, не было никакого позорного поражения от американских студентов. «Красная машина» переехала всех, доказав всему миру, кто настоящий хозяин мирового льда.

Игорь спускался по трапу следом за Валерием Харламовым. Тяжелая золотая медаль приятно оттягивала шею под воротником парадного синего пальто с гербом СССР. У подножия трапа игроков обнимали чиновники Спорткомитета, журналисты щелкали затворами фотоаппаратов, а девчонки из группы поддержки осыпали чемпионов гвоздиками.

— Герой! Наш Воробей! — орал из толпы какой-то мужик в пыжиковой шапке, размахивая свежим номером «Советского спорта», где на первой полосе красовался снимок Игоря, укладывающего на лед американского защитника.

Но радость длилась недолго. Стоило команде пройти в закрытый зал для правительственных делегаций, как к Игорю

бесшумно подошел уже знакомый человек в сером пальто и шляпе. Капитан КГБ Виктор Сергеевич. На его лице не было ни тени праздничной эйфории.

— С возвращением на Родину, младший сержант Воронов, — тихо произнес чекист, беря Игоря под локоть. — Поздравляю. Но торжественный банкет в «Метрополе» сегодня пройдет без тебя. Пройдемте. Машина ждет у служебного выхода.

Харламов, стоявший в двух шагах, настороженно обернулся:— Эй, товарищ, куда вы пацана тащите? У нас прием в Кремле через два часа!

— Не волнуйтесь, Валерий Борисович, — Виктор Сергеевич вежливо, но ледяным тоном отрезал легенду. — Игорю Николаевичу нужно закрыть пару формальностей по линии ведомства. К вечеру вернем в целости и сохранности.

Через сорок минут черная «Волга» ГАЗ-24 мягко затормозила у массивных дубовых дверей сбоку от главного здания на площади Дзержинского. Знаменитая Лубянка.

Игоря провели по длинным, застеленным красными ковровыми дорожками коридорам. Здесь стояла особая, стерильная, давящая тишина, в которой каждый шаг отдавался гулким эхом. В 2026 году Игорь видел это здание только снаружи, проезжая мимо по делам своего хоккейного клуба, но сейчас он находился в самом сердце самой могущественной спецслужбы двадцатого века.

Тяжелая дверь кабинета распахнулась. Помещение оказа-

лось огромным: высокие потолки, портрет Феликса Эдмундовича на стене, длинный стол для совещаний, застланный зеленым сукном. За столом сидели двое. Один — пожилой, сухощавый мужчина в генеральском кителе с золотыми погонами и пронзительным взглядом человека, привыкшего решать судьбы миллионов. Рядом с ним — гражданский в строгом костюме и очках в тонкой металлической оправе, перед которым лежала пухлая папка с грифом «Совершенно секретно».

— Садитесь, Игорь Николаевич, — генерал кивнул на одинокий стул в центре комнаты. — Меня зовут Константин Петрович. А это товарищ Морозов, начальник аналитического отдела. Мы вас поздравляем с блестящей победой. Вчера сам Леонид Ильич смотрел запись третьего периода и лично распорядился представить вас к Ордену Дружбы Народов.

— Служу Советскому Союзу, товарищ генерал, — четко ответил Игорь, садясь и стараясь сохранить пульс ровным. Опыт сорокапятилетнего жесткого тренера КХЛ не давал ему раскиснуть, но он чувствовал, что находится на тончайшем льду.

— Служишь, значит, — генерал прищурился и медленно перевел взгляд на гражданского. — Ну, товарищ Морозов, зачитайте нашему олимпийскому чемпиону выводы вашей лаборатории.

Человек в очках поправил галстук и открыл папку.

— Игорь Николаевич, мы провели полный психолингвистический и тактический анализ вашей деятельности за последние четыре месяца, — заговорил Морозов сухим, профессорским голосом. — До октября 1979 года вы были заурядным, хоть и перспективным юниором ЦСКА. Средняя успеваемость в школе, скромная семья инженера, знание английского языка на тройку. И вдруг, после одного матча с «Динамо», происходит качественный скачок.

Морозов перелистнул страницу.

— Вы начинаете изъясняться на безупречном американском сленге, что подтвердили наши оперативники в Нью-Йорке и Монреале. Вы предлагаете Виктору Тихонову тактические схемы «динамического скрещивания» и «экранирования», которые математически идентичны новейшим закрытым разработкам Института проблем управления АН СССР в области теории игр. Но самое интересное не это.

Аналитик достал из папки фотографию и положил её на зеленое сукно прямо перед Игорем. На снимке был запечатлен сам Воронов в холле монреальского отеля, поджигающий салфетку в присутствии скаута НХЛ Лу Ламорелло.

— Мы перехватили донесение нашей резидентуры в Канаде, — тихо произнес генерал Константин Петрович, подавшись вперед. — Ламорелло предлагал вам триста тысяч долларов и бегство. Вы сожгли предложение. Это доказывает вашу преданность Родине, Игорь. Поэтому вы сейчас сидите в этом кресле, а не в камере Лефортово. Но Комитет госу-

дарственной безопасности не верит в чудеса. Никакое сотрясение мозга в матче с «Химиком» не дает человеку знание высшей математики тактики и разговорного американского языка.

В кабинете повисла гробовая, звенящая тишина. Было слышно, как за двойными рамами глухо гудит зимняя Москва.

— У нас только два варианта, младший сержант, — голос генерала стал твердым, как лезвие конька. — Либо вы — гениальный нелегал, подготовленный неизвестным нам закрытым отделом, либо... вы обладаете информацией, источник которой выходит за рамки нашей текущей реальности. Нам не нужны сказки про шахматы. Кто вы такой, Игорь Воронов? И откуда вы знаете, как будут играть в хоккей через тридцать лет?

Игорь медленно выдохнул. Игра в прятки закончилась. Советская система прижала его к борту, и уйти на вираже здесь уже не получится. Но именно в такие критические секунды игры рождаются великие контратаки. Он поднял глаза, встретившись взглядом с генералом КГБ, и понял: пришло время заключить самую важную сделку в своей новой жизни.

Глава 2. Сделка с системой

В кабинете на Лубянке было так тихо, что Игорь слышал собственный пульс. Генерал Константин Петрович и аналитик Морозов смотрели на него не отрываясь, словно сканировали рентгеном. Любой другой двадцатилетний парень под таким взглядом давно бы раскололся, начал лепетать, путаться в показаниях.

Но за плечами у Воронова было сорок пять лет жизни в жестком, циничном двадцать первом веке. Он привык выживать под прессингом. Рассказать правду про перенос сознания из 2026 года? Безумие. В лучшем случае его запрут в закрытом НИИ под грифом «Совершенно секретно» и будут изучать как лабораторную крысу до конца дней, о хоккее и свободе можно будет забыть навсегда.

Нужна была полуправда. Легенда, в которую поверят холодные аналитики спецслужб.

Игорь медленно оперся локтями о колени, сцепил пальцы в замок и посмотрел генералу прямо в глаза.

— Вы правы, товарищ генерал, — негромко, с абсолютно взрослым, тяжелым спокойствием произнес Игорь. — Травма в матче с «Химиком» была не просто сотрясением. В ту ночь, в палате, я пережил клиническую смерть. Врачи этого не заметили, пульс восстановился сам. Но когда я открыл глаза... у меня в голове словно включился другой приемник.

Морозов в очках скептически приподнял бровь, приготовившись что-то записать, но генерал жестом остановил его: — Продолжай, Воронов. Без лирики.

— Я не вижу будущее как кино, Константин Петрович, — Игорь жестко сфокусировал взгляд. — Я вижу тенденции. Как математик видит формулу. Когда я смотрю на лед, я на пять шагов вперед просчитываю, куда дернется защитник, потому что анализирую его вес, угол наклона конька и психологическое состояние. То же самое с языком — после того удара в памяти всплыли какие-то глубинные пласты, всё, что я когда-либо слышал по радио, в фильмах, в эфирах «Голоса Америки», сложилось в единую систему. Я не шпион. И я не инопланетянин. Я советский человек, у которого мозг после травмы начал работать как электронно-вычислительная машина.

В комнате снова повисла пауза. Морозов нервно постучал карандашом по папке:— Смелая гипотеза с точки зрения нейрофизиологии, Игорь Николаевич. В Институте мозга Академии наук сейчас как раз изучают подобные феномены...

— Никаких институтов, — мгновенно, словно отрезал лезвием, перебил Игорь. — Если вы закроете меня в лаборатории, я завяну через месяц. Моя голова работает только в стрессе, в динамике, на ледовой арене. Но я готов работать на государство. Негласно.

Генерал Константин Петрович прищурился. В его глазах

промелькнул живой, хищный интерес:— И чем же хоккеист ЦСКА может помочь Комитету государственной безопасности, позволь узнать?

— Прогнозами, товарищ генерал, — Игорь подался вперед. — Мой «приемник» работает не только на хоккейной площадке. Я читаю газеты, слушаю новости, и в голове сразу выстраивается цепь событий. Хотите проверить? Запишите прямо сейчас в свой секретный блокнот.

Морозов с усмешкой взял ручку.— Записываю. Диктуйте, оракул.

— Через несколько месяцев в Москве откроется летняя Олимпиада-80, — четко произнес Игорь. — Так вот, сборная США и большинство стран Запада на неё не приедут. Президент Картер уже сейчас готовит полный бойкот Игр, прикрываясь вводом наших войск в Афганистан. Ваши дипломаты в Вашингтоне сейчас пытаются договориться, думают, что американцы блефуют. Не тратьте время. Бойкот будет стопроцентным.

Морозов замер с занесенной над листом ручкой. Генерал медленно перевел взгляд на аналитика.— Что скажешь, Морозов? У нас по линии внешней разведки как раз вчера шифровка пришла. Картер давит на олимпийский комитет США, но наши аналитики считают, что бизнесмены и телеканал NBC не дадут сорвать Игры...

— Они сорвут, товарищ генерал, — твердо повторил Игорь. — И еще одно. В Польше, на судоверфях в Гдань-

ске, этим летом начнутся масштабные забастовки рабочих. Появится профсоюз «Солидарность» во главе с электриком Лехом Валенсой. Это не просто бытовой бунт — это начало серьезного политического кризиса, который ударит по всему Варшавскому договору. Усильте агентурную работу в Польше уже сейчас, пока не поздно.

Тишина в кабинете стала просто оглушительной. Морозов сидел с открытым ртом, забыв про ручку. Прогнозы двадцатилетнего парня звучали настолько детально, жестко и системно, что списать это на бред сумасшедшего было невозможно.

Генерал Константин Петрович долго, почти две минуты, смотрел на Игоря. В голове старого чекиста складывался пазл. Перед ним сидел уникальный, бесценный актив. Не завербованный, чистый, преданный стране гений-аналитик, который к тому же является живым символом побед советского спорта.

— Хорошо, Воронов, — тихо, но веско произнес генерал, захлопывая папку. — Мы проверим твои... математические выкладки в ближайшие полгода. Если хотя бы половина подтвердится — цены тебе не будет. До тех пор ты остаешься в ЦСКА. Играешь, забиваешь, берешь кубки. Никаких лабораторий. Но раз в месяц ты будешь встречаться с Виктором Сергеевичем и передавать ему свои аналитические записки. И запомни: о нашем сегодняшнем разговоре не знает никто. Даже Тихонов. Свободен, олимпийский чемпион.

Когда Игорь вышел из массивного здания на площадь Дзержинского и вдохнул морозный февральский воздух, он чувствовал себя победителем. Он не просто вырвался из капкана Лубянки — он только что сделал самую могущественную спецслужбу мира своей личной «крышей». Теперь у него были развязаны руки.

Впереди его ждали новые ледовые битвы, защита спасенной легенды Валерия Харламова и подготовка к величайшему хоккейному сражению десятилетия — Кубку Канады. Счёт на секунды продолжался, и теперь Игорь сам диктовал правила этой игры.

Глава 3. Белая «Волга» и ледяной прием

Март 1980 года принес в Москву раннюю, звенящую капель и невероятный статус для двадцатилетнего Игоря Воронова. Сделка с Лубянкой начала приносить плоды быстрее, чем он ожидал. По закрытому распоряжению Спорткомитета, продавленному невидимой рукой генерала Константина Петровича, «за выдающийся вклад в олимпийскую победу» младшему сержанту Воронову выделили двухкомнатную квартиру в кирпичном доме на Ленинградском проспекте и право на внеочередную покупку автомобиля.

В субботнее утро Игорь стоял на заснеженном асфальте у ворот Южнопортового автомагазина, сжимая в кармане связку ключей. Перед ним, сверкая свежей заводской краской и хромированными бамперами, стояла новенькая белая «Волга» ГАЗ-24. В 1980 году эта машина была абсолютным символом элиты — на таких ездили министры, академики и народные артисты.

— Ну, красавица, поехали, — усмехнулся Игорь, садясь за тонкий, скользкий бакелитовый руль. В салоне пахло кожзаменителем и свежим бензином. После современных кроссоверов двадцать шестого года управление советской классикой требовало усилий, но молодое тело легко справлялось

с тугим сцеплением.

Однако триумф за пределами ледовой арены обернулся жестким похолоданием внутри команды.

Когда в понедельник утром Игорь припарковал свою сверкающую белую «Волгу» у базы ЦСКА в Новогорске, он сразу поймал на себе тяжелые, колючие взгляды. Зависть в большом спорте — вещь интернациональная, но в условиях советского тотального дефицита она приобретала особенно уродливые формы.

В раздевалке стояла непривычная, густая тишина. Старожилы команды — те, кто отдал армейскому клубу по семь-восемь лет и до сих пор ютился в ведомственных коммуналках или ждал очереди на скромные «Жигули» — смотрели на Воронова волком.

— О, глядите, барин приехал! — громко, с ядовитой усмешкой протянул Владимир Лутченко, ветеран обороны ЦСКА, не поднимая глаз от своих коньков. — На «Волге» белой! Это за один-то турнир такая щедрость, Воробей? Или ты у нас теперь по особой ведомости в Кремле проходишь?

Рядом хмыкнули еще двое игроков второго состава. Атмосфера мгновенно накалилась до предела.

Игорь медленно подошел к своему шкафчику, снял кожаную куртку — еще один трофей из канадского турне — и спокойно повернулся к ветерану. За плечами Воронова стояли пятнадцать лет работы главным тренером в КХЛ, где он гасил бунты звезд с многомиллионными контрактами за

тридцать секунд.

— Завидуешь, Володя? — ровным, ледяным голосом спросил Игорь, глядя Лутченко прямо в глаза. — Если тебе нужна «Волга» — выходи на лед против канадцев и ложись под щелчки с синей линии, как я в «Мэдисоне». Или придумай, как обыграть Боумэна в Монреале. Я свою машину не в лотерею выиграл. И языком за спиной чесать не советую — на площадке это не помогает.

Лутченко багрово вспыхнул и резко поднялся со скамьи. Он был старше, тяжелее и привык, что молодежь в раздевалке ЦСКА ходит по струнке и молчит в тряпочку.

— Ты как со старшими разговариваешь, щегол?! — рявкнул ветеран, делая шаг вперед и сжимая кулаки. — Поймал звезду?! Я тебя сейчас научу субординации!

В раздевалке повисла мертвая тишина. Фетисов и Касатонов напряглись, готовые в любой момент разнять драку, но не вмешивались — мужской коллектив должен был сам расставить точки над «i».

Игорь даже не пошевелился. Он стоял расслабленно, но его тело было готово к мгновенному взрыву. В двадцать шестом году он регулярно занимался боксом, чтобы сбрасывать тренерский стресс, и мышечная память в связке с реакцией двадцатилетнего атлета делала его смертельно опасным в ближнем бою.

— Попробуй, Володя, — тихо, с опасным прищуром произнес Игорь. — Только учти: если ты сейчас замахнешься, на

завтрашнюю тренировку выйдешь с фингалом. А Тихонову я сам объясню, кто начал.

Лутченко замер в полушаге. Его остановил не страх перед ударом — он увидел в глазах этого пацана абсолютный, тяжелый взгляд матерого волка, который не блефует и готов драться до конца. Старый армеец тяжело задышал, сжал зубы, но через пару секунд глухо сплюнул на резиновый коврик и отвернулся к своему шкафчику.

— Посмотрим на льду, какой ты герой, — буркнул он.

Напряжение спало. В этот момент дверь раздевалки открылась, и вошел Валерий Харламов. Он быстро окинул взглядом притихших игроков, посмотрел на спокойного Игоря, затем на красного от злости Лутченко и всё понял без слов.

— Ну что, орелики, размялись языками? — громко и весело спросил Харламов, разрушая тяжелую паузу. — А теперь на лед! Сегодня играем двусторонку на вылет. Воробей, ты со мной и Макаровым против первой пятерки. Покажем старикам, за что в Москве белые «Волги» дают!

Через двадцать минут на льду Новогорска было жарко. Ветераны пытались жестко встречать Игоря, но он двигался на запредельной скорости, раздавая скрытые пасы в одно касание и превращая попытки силовых приемов в пустоту. Звено Харламов — Воронов — Макаров разгромило соперников со счетом 5:1.

После тренировки, когда уставшие хоккеисты сидели в ду-

шевой, Лутченко молча подошел к Игорю и протянул ему тяжелую мокрую ладонь.

— Ладно, Воробей. Был неправ. Играешь ты как черт. Прокатиться дашь?

Игорь улыбнулся и крепко пожал руку ветерану:— После вечерней тренировки до Москвы подброшу, Володя.

Авторитет в раздевалке был завоеван окончательно. Но Игорь знал, что расслабляться рано. Весна набирала обороты, впереди маячило лето Московской Олимпиады-80, где его предсказания должны были пройти проверку на прочность перед генералами Лубянки, а главное — до рокового августа 1981 года оставалось чуть больше года. Счёт на секунды неумолимо отсчитывал время до самой важной миссии в его жизни — спасения человека, который прямо сейчас смеялся в соседней душевой кабинке.

Глава 4. Олимпийское лето и секретный рецепт

Июль 1980 года накрыл Москву небывалым зноем и праздничной лихорадкой. Столица готовилась к открытию летних Олимпийских игр. Улицы вымыли с шампунем, витрины магазинов заполнили невиданными прежде финскими соками в картонных пакетах и колбасой в вакуумной упаковке, а неблагонадежных граждан заранее выслали за сто первый километр.

Но для Игоря Воронова главным событием этого лета стали не яркие флаги на Садовом кольце, а короткая встреча в тихом сквере у Чистых прудов.

Капитан КГБ Виктор Сергеевич присел на скамейку рядом с Игорем, раскрыл свежий номер газеты «Правда» и негромко, с неприкрытым уважением в голосе произнес:

— Твой прогноз подтвердился на сто процентов, Воронов. Картер официально объявил бойкот. Американцы, немцы и японцы в Москву не едут. Генерал Константин Петрович в восторге — наши дипломаты до последнего не верили, а ты еще в феврале всё разложил по полкам. И по Польше тоже попало в точку: в Гданьске уже закипает. Так что свой статус ты подтвердил с лихвой.

— Рад стараться, Виктор Сергеевич, — спокойно ответил

Игорь, греясь на июльском солнце. — Но мне нужна ответная услуга от ведомства. Небольшая, чисто по спортивной части.

Чекист удивленно повернул голову:— Машина есть, квартира есть. Чего еще не хватает олимпийскому чемпиону?

— Доступа к закрытым фармацевтическим складам и импортным закупкам для спецконтингента. Мне нужны определенные аминокислоты, витаминные комплексы группы В, рыбий жир высокой очистки и качественные изотонические соли. В советских аптеках этого нет, а в ФРГ и Швейцарии уже выпускают.

Виктор Сергеевич прищурился:— Химию решил в команду тащить? Допинг?

— Никакого допинга, товарищ капитан, — жестко отрезал Игорь. — Чистая биохимия восстановления. Наши парни в ЦСКА пашут на пределе человеческих возможностей, а восстанавливаются по старинке — баней, чаем с медом и макаронами с мясом. К тридцати годам у всех суставы и сердце в хлам. Я хочу продлить им спортивную жизнь. Особенно Харламову.

Чекист на секунду задумался, затем коротко кивнул:— Составь список. Через неделю получишь всё через медсанчасть базы. Родина своих героев бережет.

Уже в конце июля, когда на стадионе в Лужниках плакал улетающий в небо олимпийский Мишка, для хоккеистов ЦСКА начались тяжелые предсезонные сборы. Виктор Ти-

хонов, окрыленный золотом Лейк-Плэсида, закрутил гайки до предела. Тренировки шли по три раза в день: кроссы по лесу, штанга, прыжки через барьеры и изнурительный лед.

Игорь наблюдал, как тяжело даются эти нагрузки тридцатидвухлетнему Валерию Харламову. После тяжелой автокатастрофы 1976 года ноги легенды болели на погоду, а мышцы забивались молочной кислотой гораздо быстрее, чем у двадцатилетних пацанов.

В один из вечеров, после убийственной тренировки со штангой, Игорь зашел в комнату Харламова на базе в Новогорске. В руках он держал большую банку с импортным порошком, бутылку минеральной воды «Боржоми» и упаковку швейцарских аминокислот.

Валерий лежал на кровати, закинув руки за голову, и тяжело дышал. Лицо его было серым от усталости.

— Заходи, Воробей, — хрипло произнес он. — Если ты тактику принес, оставь до утра. Ноги гудят так, будто по ним катком проехали.

— Не тактику, Валера. Топливо нового века, — Игорь подошел к столу, вскрыл банку и начал методично смешивать в стакане порошок с минералкой, добавив туда же щепотку поваренной соли и сок выжатого лимона. — Пей. Это не допинг, чистая спортивная медицина. Белок, электролиты и витамины для вывода молочной кислоты. Через сорок минут ноги станут легкими, как в двадцать лет.

Харламов недоверчиво покосился на мутноватую шипя-

щую жидкость, но спорить не стал. Взял стакан и залпом выпил. Поморщился:— Гадость какая. Кислятина. Откуда у тебя эти заморские банки?

— По секретным каналам, Валера, — усмехнулся Игорь, высыпая ему на ладонь горсть разноцветных капсул. — И вот это еще запей. Плюс с завтрашнего дня меняем твоё меню в столовой. Никакого жирного борща и макарон перед вечерним льдом. Только отварная куриная грудка, гречка и овощи. Проверено на лучших атлетах... скажем так, на моих закрытых расчетах.

Харламов усмехнулся, глядя на наглого девятнадцатилетнего парня, который командовал живой легендой советского хоккея как собственным учеником:— Ну ты и диктатор, Воробей. Хуже Тихонова. Ладно, посмотрим на твою науку.

Эффект превзошел все ожидания. Уже на следующее утро Харламов вылетел на лед свежим, взрывным и легким. Он носился по площадке наравне с молодыми Макаровым и Крутовым, забивая шайбы с какой-то пугающей легкостью. Увидев это, к Игорю в комнату потянулись Фетисов, Касатонов и даже ворчливый ветеран Лутченко. За пару недель Воронов устроил в ЦСКА настоящую революцию в спортивной медицине и нутрициологии XXI века.

Клубный врач ЦСКА, пожилой полковник медицинской службы, только разводил руками, глядя на идеальные кардиограммы и анализы крови игроков, которые переносили тихоновские нагрузки без малейшего срыва.

Лето 1980 года подходило к концу. Команда набирала чудовищную, сокрушительную форму перед новым чемпионатом СССР. Игорь смотрел на улыбающегося, полного сил Харламова и чувствовал, как отступает тревога. Первый шаг к изменению его судьбы был сделан. Но впереди оставался целый год до рокового августа 1981-го, и счёт на секунды продолжал свой неумолимый ход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.